

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ОБРАЗОВАНИИ

С. И. Байрамова

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В КЛЮЧЕ ПАРАДИГМЫ «КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНЫ МИРА» (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается одна из актуальных проблем методики преподавания китайского языка – формирование вторичного языкового и когнитивного сознания. С учетом понимания концептуальной и языковой картин мира представителей китайской культуры исследуются вопросы взаимосвязи языка и мышления. На материале русского, английского и китайского языков иллюстрируется вербальная презентация результата мышления.

The article deals with one topical issues of Chinese language teaching methodology – formation secondary language consciousnesses. This methodology problem is connected with understanding of conceptual and language pictures of the world of representatives of the Chinese culture. In this connection the problem of interrelation of language and thinking is investigated. By the example of Russian, English and Chinese languages the verbal presentation of result of thinking is illustrated.

В настоящее время в теории и практике преподавания иностранного языка активизируется поиск новых подходов к обучению. Язык как знаковая система рассматривается в ключе новой лингвистической парадигмы «человек – концептуальная картина мира – языковая картина мира» в тесном единстве с человеком, мышлением и социокультурными связями. Процесс изучения иностранного языка соотносится с овладением новой языковой картиной мира. А. А. Леонтьев, формулируя главную задачу освоения иностранного языка в когнитивном аспекте, отмечает, что необходимо научиться ориентироваться в этой области так, как это делают носители языка [14, с. 225]. Следовательно, основной учебно-методической задачей преподавателя является обучение восприятию формы и осознанию логики чужого языка. Решение этой задачи поможет субъекту учебного процесса раскрыть структурно-содержательные закономерности языка, выявить особенности строения характерных для него языковых элементов.

Говоря о методике обучения языку, мы исходим из того, что язык есть средство выражения мысли, а речь – способ формирования и формулирования мысли посредством языка при говорении / письме или аудировании / чтении (трактовка И. А. Зимней). Язык и речь взаимообусловлены, но не сво-

димы друг к другу. В рамках данной статьи мы связываем эти два понятия ситуацией взаимообусловленности.

На занятиях китайского языка студентов учат говорить на этом языке, решать определенные коммуникативные задачи, находить китайские эквиваленты русским словам, хотя для полноценного владения языком этого недостаточно. Поэтому становится актуальным поиск новых путей в методике обучения китайскому языку и иероглифической письменности за счет введения комплекса социокультурного и национального компонентов. Этот комплекс должен содержать не только сведения о географии, истории, социальной жизни страны изучаемого языка, но и информацию о ментальной структуре представителей данной культуры, национальной логике мировосприятия, которые зафиксированы в национальном языке. В контексте этих рассуждений интересно мнение О. А. Корнилова [11, с. 86] о существовании двух уровней владения языком:

1) элементарное знание того фрагмента языковой картины мира, где зафиксированы клишированные формы общения, определяемые конкретными коммуникативными ситуациями;

2) владение формальными средствами выражения одновременно со знанием глубинных причин именно такой, а не иной формы выражения. На этом уровне знания язык уже не просто знаковая, но вербализованная система мировидения конкретного этноса.

Первый уровень владения языком ассоциируется с достаточно развитой для коммуникации языковой способностью. Второй уровень совпадает с новой концепцией, сформулированной Н. Д. Гальсковой и Н. И. Гез [5, с. 23]. На этом уровне у обучаемых формируется вторичное языковое сознание (вербально-семантический уровень языковой личности) и вторичное когнитивное сознание (как результат подключения к когнитивному, тезаурусному уровню).

Приведенная концепция используется нами как основополагающая для решения поставленной задачи – поиска новых путей обучения китайскому языку. В связи с этим целесообразно рассмотреть процесс развития у носителей языка представлений об окружающем мире, обусловленный мыслительными действиями в ситуации речевой коммуникации.

Понимание того, что слово является средством преобразования чувственного восприятия окружающего мира в сложные интеллектуальные продукты, фигурирует в философско-лингвистическом «инвентаре» со времен Аристотеля [26, с. 247]. До XIX в. эта проблема рассматривалась преимущественно в философском аспекте. С XIX в., продолжая идеи В. фон Гумбольдта, многие выдающиеся языковеды – А. Шлейхер, Х. Штайнталь, А. А. Потебня, Ф. де Соссюр и др. – обосновывают единство языка и мышления. А. А. Потебня приводит в доказательство слова А. Шлейхера о том, что язык есть мышление, выраженное звуком [17, с. 25]. Помимо лингвистов проблемой взаимосвязи

языка и мышления занимались психологи. Странники одного направления (Дж. Уотсон, П. П. Блонский, Б. Ф. Поршнев и др.) считают, что функции мышления и речи неразрывно связаны друг с другом. Представители другой точки зрения развивают идею о нетождественности мышления и речи. По данным Л. С. Выготского, отношения мышления и речи являются непостоянными и имеют генетически совершенно различные корни, что подтверждается рядом исследований в области психологии животных [4, с. 119]. С. Л. Рубинштейн считает, что хотя речь является формой существования мысли, их нельзя отождествлять [18, с. 395]. В 1968 г. А. Н. Соколов провел серию опытов для выяснения взаимозависимости мышления и языка [19]. Основываясь на данных психологических и электромиографических исследований, он делает вывод о том, что реальный мыслительный процесс людей, владеющих речью, всегда с ней связан, хотя в отдельные моменты, при решении наглядных задач, речевые действия могут быть заторможены. Н. И. Жинкин развивает идею универсального кода [9]. Суть ее заключается в том, что базовым компонентом мышления является особый язык интеллекта – универсальный предметный код, который имеет невербальную природу и представляет собой систему знаков, имеющих характер чувственного отражения действительности в сознании. Данная теория объясняет имеющуюся, несмотря на разнообразие языков, возможность реализации межкультурных коммуникаций. И. Н. Горелов и К. Ф. Седов отмечают, что «мысль, существуя в пределах возможностей универсально-предметного кода, в ходе ее вербализации способна трансформироваться, обрастая значениями, которые несут в себе единицы конкретного национального языка» [7, с. 75]. Таким образом, мышление и язык находятся в органическом единстве. Природа мышления как отражения объективного мира и природа языка как средства выражения мыслей не могут быть поняты, если рассматривать их в отрыве друг от друга. Очевидно, что в концептуальной картине мира, в которой формируется национальная языковая личность, результат мышления репрезентируется в языке в соответствии с ментальной основой этноса. Под ментальной основой мы понимаем «совокупность мыслительных процессов, включающих построение особой картины мира» [15, с. 15].

В ключе новой парадигмы репрезентация результата мышления может быть проиллюстрирована посредством языка. Для этого рассмотрим, как в концептуальной картине мира раскрывается значение слова «семья» в русском (восточная подгруппа славянской ветви индоевропейских языков), английском (западногерманская подгруппа индоевропейских языков) и китайском (китайско-тибетская типологическая семья) языках. Этимология слова в русском языке показывает, что оно восходит к обозначению территориальной общности; помимо этого в этимологии отражены следующие значения: «челядь», «домочадцы», «невольник». В историко-этимологическом словаре

П. Я. Черных даются следующие определения: «родители с детьми и другие родственники, живущие вместе», а также «группа людей ... объединенных общей деятельностью, общими интересами» [24, с. 154]. В английском языке «*family*» первоначально означает «домочадцы, включая родственников и слуг», затем устанавливается значение «связанные по крови, независимо от места жительства». В китайском слово «семья» (家) состоит из двух графем: «крыша» + «свинья». Графема «крыша» указывает на важность отдельного жилища для китайской семьи, графема «свинья» является символом еды, поскольку разведение домашних животных в Китае началось с разведения свиней [29, с. 74]. Кроме того, дома в древнем Китае были построены таким образом, что на первом этаже находился загон для скота [28, с. 395]. Этимологический анализ показывает, что для русских семья – это не обязательно родственники, важно родство душ и общее местожительство. Для англичан семья – это, прежде всего, настоящие кровные родственники. У китайцев это отдельная община, со своей иерархией и обычаями, государство в миниатюре. Именно поэтому в китайском языке слово 家 употребляется и в значении «дом», например 回家 – «вернуться домой», 我家离这儿不远 – «мой дом недалеко». Таким образом, необходимо признать значимость следующего положения. Несмотря на то, что психологические и нейрофизиологические процессы, лежащие в основе мышления человека, универсальны и свойственны индивидуальному мышлению вообще, их репрезентация не может быть одинаковой у представителей разных культур, языковые системы которых являются результатом активности национальной, исторической и культурной специфики. По мысли Б. М. Величковского, конкретный язык не просто репрезентирует доступными ему средствами универсальные процессы мышления, но существует обратная зависимость – некоторые процессы мышления адекватно меняются в зависимости от особенностей средств выражения конкретного языка [3, с. 196]. Эта концепция нашла развитие в исследовании О. А. Корнилова. Он полагает, что сначала внешние условия формируют особенности национального характера, а затем специфические черты национального характера находят отражение в языке и передаются последующим поколениям носителей в вербализованном виде. На более поздних этапах исторического бытования этноса уже сам язык начинает определять некоторые черты и стереотипы национально-специфического мышления. Например, в китайском языке существительное не имеет грамматической категории рода. В отдельных случаях род выражается лексически. Это касается только некоторых существительных, обозначающих одушевленные предметы (男学生 – студент, букв. мужчина-студент; 女学生 – студентка, букв. женщина-студентка; 公鸡 – петух, букв. самец курицы; 母鸡 – курица, букв. самка курица). Местоимения третьего лица, различающиеся по родам, используются только относительно человека: 他 – он, 她 – она. Для обо-

значения животных или неодушевленных предметов применяют местоимение 它. Таким образом, природа и животные дистанцируются от человека. Китайские мыслители говорят, что лишь человеческое существо обладает сознанием и моральными качествами, благодаря которым оно единственное из живых тварей способно приводить свои действия в соответствие с законами мироздания [13, с. 117]. Наличие в русском языке категории рода, наделяющей все существительные, а значит, все предметы окружающего мира свойствами мужскими, женскими или нейтральными, по мнению С. Г. Тер-Минасовой, свидетельствует об эмоциональном отношении к природе, миру. Национальному характеру русского народа свойственно одушевлять природу, предметы окружающего мира, что совсем не характерно для представителей китайской культуры. В ключе этих рассуждений актуальны выводы Тань Аошунан об антропоцентричности китайцев, в традиции которых разделять человека и природу [21, с. 48]. Только применительно к человеку используются глаголы «стоять, лежать, сидеть», в других случаях применяется один глагол – «стоять, поставить», т. е. остальные существуют сами по себе либо так, как их поставил человек. Мышление определило образование интенциональной основы – репрезентированной через посредство языка речевой деятельности, которая в процессе своего развития под воздействием внешних (социальных) и внутренних (языковая система) причин начинает влиять на носителя языка и одновременно с этим отражать изменения в ментальной основе этноса. Так, стремление к дифференциации мира человека и мира окружающей живой природы привело китайский этнос к прагматическому подчинению животного мира человеку. Мир животных в понимании китайцев создан для благополучия человеческого рода и интерпретируется им как еда и одежда. До сих пор многие иностранцы отмечают крайнюю степень прагматизма китайцев по отношению к животным на бытовом уровне [25, с. 193]. Животное 动物, что дословно переводится как «двигающаяся вещь», по сути, и является в Китае вещью, существом, не вызывающим ни сочувствия, ни жалости.

Обобщая взгляды разных авторов по поводу языка и мышления, можно сделать следующие выводы: 1) результат мыслительных процессов исторически репрезентируется в понятии и языковом знаке; 2) внешние причины (социальные и экономические) способствуют естественной динамике процессов мышления в разные эпохи; 3) даже незначительные трансформации в понятийной системе человека, обусловленные его мыслительной деятельностью в разных условиях проживания и выживания, репрезентируются в соответствующих языковых знаках.

В течение четырех тысячелетий своей истории Китай поддерживает непрерывную письменную традицию [20, с. 532]. Вообще, для китайской культуры ключевым моментом является постоянное обращение к традиции, в отличие от культур Запада, для которых знание – это самостоятельная кри-

тически-исследовательская процедура [6, с. 120]. Этим объясняется, например, то, что древнейшие памятники письменности Китая не переводятся на современный китайский язык, а интерпретируются в комментариях к нему. Европейская культура предполагает существование линейного времени, тогда как для китайцев время циклично. Тань Аошуань отмечает, что в китайской культуре замкнутое представление о пространстве и мире коррелирует с замкнутым представлением об историческом времени, которое отсчитывается согласно смене поколений [21, с. 40]. Данная цикличность нашла свое отражение и в языке. На основе анализа того, как организованы параграфы связного текста в пределах одного письменного произведения, Р. Капланом продемонстрирована структура человеческой мысли, обусловленная природой родной культуры. Носители большинства азиатских языков имеют тенденцию развивать аргументы по спирали, расширяя и углубляя их с каждым последующим витком, что способствует, по их мнению, проникновению в глубь описываемого явления [8, с. 79]. В. П. Кохановский, В. П. Яковлев замечают, что логика традиционного китайского мышления стремится функционировать концентрически – путем выделения центрального понятия и подстраивания к нему ряда сопоставлений [12].

Иероглифическая письменность не зависит от изменений в произношении в течение веков, и ее по праву можно назвать инструментом культуры. Именно поэтому изучение иероглифической письменности является важным условием для понимания мышления, концептуальной и языковой картин мира китайцев, которые иллюстрируют два способа передачи опыта – письменный и устный. Исходя из этого, можно говорить о специфике языковой картины мира, передаваемой в дискурсе и в иероглифах. Этот факт создает большую проблему для изучающих китайский язык, так как требует понимания того, что картина мира репрезентирована и в знаке, и в дискурсе (в речи). Иероглиф является образом, который в любом контексте передает специфику концептуальной и языковой картин мира. Следовательно, осваивающим китайский язык важно осознать закономерности письма и дискурса, а также научиться воспринимать смысл высказывания с ориентацией на контекст. Изучая китайский язык, студенты рассматривают иероглифы исключительно как знаки письменной фиксации слов, проводя аналогии с русским языком. Кроме того, распространение коммуникативной методики отодвинуло на второй план обучение письменности. Однако, на наш взгляд, иероглиф следует рассматривать как аутентичный иллюстративный материал, демонстрирующий особенности мышления китайцев, так как он, «будучи по своей природе живописным изображением, сохранил за собой все свойства художественного образа» [13, с. 323]. Каждый иероглиф обладает обширным понятийным ареалом, поэтому слово, выраженное иероглифом, многогранно и требует осмысленного перевода. Как заметил М. Е. Ермаков, в названии Китайской народ-

ной республики (中华人民共和国) слово «республика» передается иероглифами 共和国, значение которых семантически более богато, чем перевод. Считая 共和 определением к слову «государство», можно перевести его как «государство всеобщего согласия». Таким образом, в китайском языке слово «республика» не только обозначает данное государственное образование, но и подчеркивает его гармоничный характер.

По мнению Тан Аошуань, благодаря аморфности и дискретности знаковой системы китайского языка в отношении формы и звучания можно говорить о рационалистическом мышлении китайцев. По этому же поводу Е. А. Головлева говорит, что мышление представителей китайской культуры в большей степени ассоциативное, стремящееся не столько к тому, чтобы объяснить что-либо путем установления причинно-следственных связей, сколько к тому, чтобы вскрыть взаимозависимость, взаимосотнесенность, коррелятивность вещей, явлений [6, с. 120]. Представители китайского этноса видят мир как гармонически функционирующий «организм». Все объекты, качества, сила, явления группируются по признакам сходства и подобия в определенные «коррелятивные» ряды. Принцип объединения понятий отразился и на китайской письменности. Как известно, иероглиф – это комплекс графических элементов, расположенных в определенном порядке в форме квадрата, создающего целостность восприятия. Подавляющее большинство иероглифов образовано путем присоединения иероглифического элемента, обособляющего данный знак от его прототипа. Эти ключевые знаки подразделяются на группы: природа (небо, земля, животный мир, растительный мир), человек (полное изображение, частичное изображение, цвета, вкусовые ощущения и т. д.), творение человека (инструмент, оружие, транспорт, сосуды и предметы ритуала, сооружения и их элементы). «Любовь к инструментам упорядочения мира пронизывает весь культурный пласт китайской цивилизации» [21, с. 71].

Таким образом, формирование вторичного языкового и когнитивного сознания, которые лежат в основе успешного осуществления акта межкультурной коммуникации с представителями китайской культуры, возможно лишь благодаря приобщению субъекта учебного процесса к языковой и концептуальной картина мира китайцев. При этом важной составляющей является знакомство обучаемых с особенностями когнитивной базы, «структурированной совокупностью обязательных знаний... лингвокультурного общества» [15, с. 15] и мыслительных процессов носителей китайского языка. Поэтому на начальном этапе обучения целесообразно:

- учить студентов проникать в механизмы смыслообразования через этимологический анализ иероглифа;
- опираться на осознание специфики процесса формирования графических навыков и умений, объясняя, что графические знаки обозначают понятия, а не конкретные лексические значения;

- формировать умение анализировать иероглиф, несущий целый ряд дополнительных смыслов и его репрезентацию в дискурсе (в разных контекстах);
- создавать ассоциативный фон и развивать умение субъектов учебного процесса, опираясь на этот фон, видеть различные сети ассоциативно связанных иероглифов.

Организованный таким образом процесс обучения китайскому языку и иероглифической письменности (с опорой на комплекс социокультурного и национального компонентов) не только позволит повысить мотивацию учащихся и сделать изучение китайского языка более привлекательным, но и сформирует коммуникативную и социокультурную коммуникации, без которых невозможно адекватное понимание носителей китайской культуры.

Литература

1. Алимов И. А., Ермаков М. Е., Мартынов А. С. Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая. – М.: ИД «Муравей», 1998. – 288 с.
2. Блонский П. П. Память и мышление. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
3. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. – М.: Смысл: Академия, 2006. – Т. 2. – 432 с.
4. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. – 518 с.
5. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранному языку: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студентов лингвист. и филол. факультетов высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2004. – 336 с.
6. Головлева Е. А. Основы межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 224 с.
7. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: Учеб. пособие. – М., 1997. – 224 с.
8. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.
9. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопр. языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26–38.
10. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку. – М.: Рус. яз., 1989. – 219 с.
11. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
12. Кохановский В. П., Яковлев В. П. История философии [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_buks/Philos/Kohan/02.php
13. Кравцова М. Е. История культуры Китая. 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Лань, 2003. – 416 с.

14. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: Учеб. пособие. – М., 1997. – 287 с.
15. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
16. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 486 с.
17. Потемня А. А. Мысль и язык. – Киев, 1993. – 192 с.
18. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2008. – 713 с.
19. Соколов А. Н. Психофизиологическое исследование внутренней речи. [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://ihtik.lib.ru/psychology_20sept2007/psychology_20sept2007_2559.rar
20. Софронов М. В. Китайский язык и китайская письменность: Курс лекций. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 638 с.
21. Тань Аошунан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
22. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е изд., дораб. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://vasmer.narod.ru/vasmer.part1.rar>
24. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1994. – Т. 2. – 560 с.
25. Чэн Х. Эти поразительные китайцы: Пер. с нем. – М.: АСТ; Астрель, 2006. – 225 с.
26. Ярошевский М. Г. Психология XX столетия: Теорет. проблемы развития психол. науки. – М.: Политиздат, 1971. – 368 с.
27. Online etymology dictionary [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.speakrus.ru/dict/emym.part2.rar>
28. 常用汉字图解 / 谢光辉主编; 项昌贵等. – 北京: 北京大学出版社, 1997. – 652页.
29. 说字释词谈文化 (1) / 张美霞编. – 北京: 北京语言文化大学出版社, 2000. – 123 页.